

ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ТОМАСА ХАРДИ НА ПОЭЗИЮ ЭДВАРДА ТОМАСА

©2021 Талызина Е. В.

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», г. Самара, Россия

Творчество британского поэта периода Первой мировой войны Эдварда Томаса трудно классифицировать. Однако, будучи литературным критиком, он знал как современную ему, так и английскую литературу в целом и испытал определённые литературные влияния. В статье рассматривается вопрос, оказало ли на поэзию Томаса творчество его поэта-современника Томаса Харди. В результате делается вывод, что поэзия Харди оказала определённое влияние на Томаса, хотя последний трактовал характерные для Харди темы по-новому.

Ключевые слова: Эдвард Томас, Томас Харди, поэзия начала XX века, «английская линия» поэтов, литературное влияние.

Британского поэта Эдварда Томаса (1878-1917) оценили по достоинству далеко не сразу, вероятно, потому, что его нельзя отнести ни к одному поэтическому направлению, современному ему. Он был свидетелем возникновения модернизма Э. Паунда и Т. С. Элиота, и даже будучи литературным критиком, написал благоприятную рецензию на ранний поэтический сборник первого [10], однако сам модернистом не стал. Но нельзя сказать, что он был свободен от какого-либо влияния или не имел единомышленников. Исследователи и литературные критики практически единодушно признают, что по теоретическим воззрениям на поэзию и их практическому воплощению ему был близок американский поэт Роберт Фрост (1874-1963), приехавший в Британию перед Первой мировой войной и ставший другом Томаса. Также считают, что определённое влияние на него оказал Томас Харди (старое написание «Гарди») (1840-1928) [8, 12, 13]. В контексте современной Томасу английской поэзии Эндрю Моушен помещает его «слегка слева от центра» [12], между «георгианцами» и модернистами, что позволило поэту, подобно Фросту и Харди, совершить, по словам Эдны Лонгли, «неагрессивную поэтическую революцию, не менее важную, чем более разрекламированный переворот Паунда и Элиота».

Джен Марш в критической биографии Эдварда Томаса написала, что из современ-

ных ему поэтов Томасу был ближе всего по духу Харди [11]. Между двумя поэтами можно найти нечто общее. Так, оба они начинали как прозаики. Хотя Харди писал стихи с 60-х годов XIX в., его первый поэтический сборник вышел только в 1898 году. Эзра Паунд считал поэзию Харди «урожаем написания двадцати романов». Томас был автором биографий и книг очерков о природе и сельской местности на заказ, а также рассказов, к поэзии же обратился в 36 лет, вскоре после начала Первой мировой войны. Сам он назвал свои стихи «квинтэссенцией лучших частей своих прозаических книг» [13]. Майкл Кёркем (Kirkham) считает, что опыт написания прозы решающим образом повлиял на их поэтические стили [8]. Полное собрание стихотворений Харди включает 948 произведений (вместе с фрагментами и песнями из эпической драмы «The Dynasts» («Наследные правители»)) [6]. Поэтическая карьера Томаса продолжалась около двух лет, до его гибели на Западном фронте в апреле 1917 г., причём за это время им было написано 140 стихотворений. Джон Пауэлл Уорд (Ward) относит обоих к так называемой «английской линии» поэтов, которая, по его мнению, начинается с Вордсворта и заканчивается Филипом Ларкином [14]. «Английская линия» характеризуется лиричностью, простотой языка и обращением к хорошо знакомому, обыденному материалу; место действия стихов – родная

(«английская») природа, сельская местность, привычный пейзаж. Такую поэзию часто отличает некоторая мрачность и тоска по ушедшему, т. к. внимание на родную природу обратилось тогда, когда ей стала угрожать опасность в результате промышленной революции [14]. Пастораль Харди и Томаса принадлежит к «постдарвинистской эпистеме» [10], что окрашивает её в мрачные тона.

Томас познакомился с поэзией Харди и ценил её до того, как сам стал поэтом. В 1909 г. он рецензировал поэтический сборник Харди «Time's Laughingstocks» [7] («Посмешища времени»), а также выразил своё мнение о его стихах в книгах «In Pursuit of Spring» («В погоне за весной») и «A Literary Pilgrim in England» («Литературный паломник в Англии»). Питер Хауэрт (Howarth), ссылаясь на письмо вдовы Томаса, адресованное Харди, говорит о том, что Томас считал себя учеником старшего поэта.

Исследователи отмечают, что Томас использовал имитацию крика дрозда из «Весеннего крика» («The Spring Call») Харди в стихотворении «Лоб» [11, 12, 13]. Дж. Марш полагает, что сравнение стрижа с луком со стрелой в «Сенокосе» («Haymaking») тоже заимствовано у Харди [11], из стихотворения «Overlooking the River Stour» («Взгляд сверху на реку Стор»), где ласточки летают «Like little crossbows animate» [6] («как маленькие живые арбалеты»). Но, во-первых, «Сенокос» был написан в 1915 г., а стихотворение Харди было опубликовано в сборнике 1917 г. (когда Томас, вероятно, уже погиб). А во-вторых, это сравнение Томас употребил ещё в рассказе «The Artist» («Художник», сборник «Light and Twilight»/«Свет и сумерки», 1911 г.) [13].

Дж. Марш находит значительное сходство между «The Dark-Eyed Gentleman» («Темноглазым джентльменом») Харди и «A Gentleman» («Джентльменом») Томаса и «A Trampwoman's Tragedy» (в переводе А. Шараповой «Трагедией бродяжки» [2] Харди) и «The Gypsy» («Цыганом») Томаса [11]. Но если в первом случае ещё можно обнаружить нечто общее (незаконный ребёнок «джентльмена» от простой женщи-

ны, хотя у Харди мать никогда больше не видела своего случайного возлюбленного, а у Томаса отец – «негодяй», будто бы ограбивший два клуба, - исправно даёт деньги на ребёнка), то во втором трудно увидеть какое-либо сходство (кроме разве что повествования от первого лица). «Трагедия бродяжки» написана в духе народной песни и, возможно, передаёт некое старое местное предание (относящееся к 20-м годам XIX в., судя по подзаголовку). Она написана от лица женщины-бродяги и рассказывает историю флирта героини с другим мужчиной на глазах у её возлюбленного, что привело к убийству одного и казни другого. «Цыган» описывает предрождественскую ярмарку. Но возникает параллель с другим стихотворением Харди, «The Oxen» («Вола»), описывающим народное поверье, что вола в Рождественскую ночь становятся на колени. В «Цыгане» поэт пишет о цыганском юноше, играющем на губной гармонике: «Not even the kneeling ox had eyes like the Romany» [13] («Даже у преклонившего колени вола не было глаз, как у этого цыгана»). «Цыган» был написан 22 января 1915 г., а «Вола» - в 1915 г. [6], так что прямой аллюзии, вероятно, нет.

Но мнение Дж. Марш о том, что поэзия Томаса похожа на поэзию Харди своим интересом к прошлому и памяти, воспоминанию [11], не лишено основания. Исследовательница предлагает сравнить два стихотворения на тему повторяющегося воспоминания – «Under the Waterfall» Харди (в переводе Д. Веденяпина «У водопада», [2]) и «Over the Hills» (досл. «За холмы») Томаса. Сходство заключается в том, что воспоминание всплывает всякий раз, когда совершается определённое действие.

В стихотворении Харди (возможно, пожилая) женщина рассказывает собеседнику или собеседнице о том, что, когда она опускает руку в таз с водой, она вспоминает давний августовский пикник с возлюбленным около водопада. Когда девушка принялась мыть под водопадом бокал, из которого влюблённые по очереди пили вино, он выскользнул, и его так и не удалось достать. С тех пор, как говорит женщина:

...If I thrust my arm below

Cold water in basin or bowl, a throe
From the past awakens a sense of that
time... [6].

С тех пор, если я невзначай окуну
Ладонь свою в чашу (вот так, как сей-
час),

Я голос минувшего слышу тотчас [2].

Вероятно, героине приятно вспоминать тот давний эпизод. Строки «The purl of a runlet that never ceases / In stir of kingdoms, in wars, in peaces» [6] (досл.: «журчание ручейка, которое никогда не прекращается / во время смятения королевств, во время войн, мира»), вкуче с навечно оставшемся на дне выемки, куда падает водопад, бокалом влюблённых, в конце называемым «чашей» («chalice»), (что «привносит особенный лад / В любовную песнь, что поёт водопад» [2]), превращают маленький водопад, «About three spans wide and two spans tall» [6] (досл.: «около трёх пядей в ширину и двух пядей высоты»), в символ любви, которая переживёт любые мировые потрясения. Это вызывает в памяти стихотворение Харди, написанное во время Первой мировой войны, «In Time of the Breaking of Nations» (в переводе А. Сергеева «В эпоху «Сокрушения народов»»), которое утверждает, что «a maid and her wight» («с невестой жених» [1]), вернее, история их любви, будет жить и после того, как сотрётся сама память о войне.

В стихотворении Томаса лирический герой вспоминает «The day I passed the horizon ridge / To a new country» [13] («день, когда я перешёл через гребень холмов на горизонте в новый край»). Через год герой внезапно, опёршись на лопату при вскапывании сада, как бы ясно видит эту сцену на горизонте, и потом это превращается у него почти в привычку. Однако Томас говорит, что «Recall / Was vain» [Ibidem] («вспоминание было тщетным»). Стихотворение написано пятистопным ямбом с нарушениями размера, со сложной рифмовкой, встречающейся у Томаса (например, «October», «The Glory», «Words»). Дж. Марш считает (и с ней трудно не согласиться), что Харди относится к прошлому более позитивно, но и с большим сожалением, чем Томас, которому вспоминать труднее; он знает, что на

память не всегда можно положиться и воспоминания не всегда желательны [11]. В конце «Over the Hills» появляется образ ручья, которому не дано потечь вспять и подняться по водопаду в озеро, из которого он вытекает, - так и прошедшего не вернуть. Таким образом, водопад у Томаса обозначает прямо противоположное тому, что он символизирует у Харди. А влюблённая пара в стихотворении «As the team's head-brass» («Латунный блеск на сбруе»), в которой исследователи видят отсылку к «In Time of the Breaking of Nations» Харди, допускает неоднозначную интерпретацию [8, 13].

Дж. Марш называет соответствия между двумя другими стихотворениями о воспоминании, «On a Midsummer Eve» («В канун Иванова дня») Харди и «It Rains» («Льёт дождь») Томаса поразительными [11]. В обоих упоминается «parsley» – досл. «петрушка», но, как видно из приведённых Э. Лонгли в примечаниях к «It Rains» отрывков из ранних прозаических книг Томаса, которые могли послужить основой стихотворения, у Томаса это «cow parsley» – купырь лесной [13]. Возможно, Харди имел в виду то же самое растение.

«On a Midsummer Eve» написано четырёхстопным ямбом с рифмовкой abab. В нём лирический герой срезает стебель вышеупомянутого растения и свистит в него, вызывая «призраков» (ghosts) [6]. Кажется, что смутная фигура из прошлого стоит над героем. В данном случае в стихотворении присутствует умолчание: неясно, какие именно «призраки» являются из прошлого, хотя название ассоциируется с любовными ритуалами кануна Иванова дня и со «Сном в летнюю ночь» (в оригинале «A Midsummer Night's Dream») Шекспира с его (любовным же) волшебством, поэтому можно предположить, что имеется в виду давняя любовь.

В «It Rains» (написанном пятистопным ямбом) лирический герой бродит вечером в дождь по фруктовому саду, заброшенный участок которого зарос цветущим купырём (значит, действие происходит примерно в то же время года, что и у Харди), вспоминая счастливую пору любви («To think of

two walking, kissing there” [13] / «В мыслях о тех, что целовались там»), которая больше не повторится («...never, never again, // Unless alone, so happy shall I walk / In the rain» / «...ведь столь счастливым никогда // Вдвоём под дождь не выходить уж мне»). В сумраке цветы купыря, призрачно-белые, как будто висят в воздухе, символизируя витающее над сценой прошлое. По мнению Э. Лонгли, что бы ни вспоминал Томас в «It Rains», какое-то любовное увлечение или период ухаживания за будущей женой, в стихотворении можно заметить влияние стихов Харди, написанных на смерть первой жены. Например, дождь, прогулка влюблённых и призрачность имеют параллели в стихотворении «At Castle Boterel» (в переводе А. Шарাপовой «У замка Ботерел» [2]). Также общим является мотив невозвратности счастливой поры любви: у Харди лирический герой понимает, что ему уже больше никогда не вернуться в «любви владенья» [2] («old love’s domain»)[6]. «At Castle Boterel» серьёзнее игривого «В канун Иванова дня» и ближе по духу к «It Rains».

В рецензии на сборник Харди «Посмешища времени» Томас написал, что поэзия Харди не допускает разночтений, назвав её «тиранической» [7]. Это кажется справедливым по отношению ко многим стихотворениям поэта (см. приведённые выше примеры). Несмотря на то, что Харди упоминал новейшие технические достижения в своих стихах [14] и откликался на злободневные события (гибель «Титаника», Первая мировая война), автор книги «New Bearings in English Poetry» («Новые направления в английской поэзии») Ф.Р. Ливис назвал его «викторианцем» и считал его лучшие стихи архаичными по сравнению с любым стихотворением Томаса [9]. В поэзии же Томаса отсутствуют многие современные ему реалии [5] (например, все его стихи были созданы во время Первой мировой войны, однако война в них едва упоминается), но, по мнению того же Ливиса, он обладал «современной чуткостью» [9].

Для иллюстрации можно сравнить два стихотворения, в которых П. Хауэрт видит сходство темы и размера, «Ночь танцев» («The Night of the Dance», из сборника

«Time’s Laughingstocks») Харди и «Сви-стульку» («The Penny Whistle») Томаса [7].

В этом стихотворении [7] действительно, размер один и тот же: чередование 4- и 3-иктного дольника (характерного для народных баллад), хотя у Томаса строфы четырёхстрочные и рифмуются только чётные строки, а у Харди – пятистрочные с рифмовкой *abbab*. Оба стихотворения описательные, написаны от первого лица, место действия – сельская местность (в широком смысле), время действия – ночь или поздний вечер.

Место действия стихотворения Харди – деревня, где ночью, вероятно, в деревенском трактире, должен состояться «деревенский бал». Лирический герой – деревенский парень, предвкушающий танцы, дружеское общение и объяснение с девушкой, которая ему нравится. В первой строфе описывается ночное небо. Сравнение звёзд с глазами человека, погружённого в приятные мечты, вероятно, передаёт настроение лирического героя.

Но уже во второй строфе действие переносится на землю. Поэт эксплицитно не говорит, в какое время года происходит действие, но в других стихах о деревенских «балах» это зима (см., например, «The Dawn after the Dance» [6] / «Рассвет после танцев», «The Dance at the Phoenix» / «Танцы в «Фениксе»», «At a Pause in a Country Dance» / «Во время передышки на деревенских танцах»). В последнем героини смотрят в окно комнаты и видят «замёрзшую луну» («the frozen moon») и ночную деревню. Но если лирический герой «Ночи танцев», находясь в трактире, смотрит в окно, как он слышит сов из слухового окна? Возможно, он подходит к трактиру и видит приготовления к танцам, открывая дверь и входя в помещение. Харди, исконный сельский житель, мастерски описывает патриархальную деревенскую сцену.»Backbrand» (букв., «задняя головня» – полено, которое когда-то помещали позади сложенных дров (в камине), как объясняет сам поэт в примечании к стихотворению «Vagrant’s Song» («Песня бродяги») из позднего сборника «Human Shows» («Человеческие зрелища»), соломенная крыша, воробьи и совы, оби-

тающие у человеческого жилища, - от всего этого веет традиционной сельской жизнью. Упоминание старинного инструмента – виолы, которая вышла из употребления до XIX века, может означать, что действие происходит в XVIII веке. В стихотворении также употребляется глагол «quiz» с устаревшим значением «пристально смотреть» [4]. Фраза «Of measures trod to tunes renowned» [6] (досл.: танцев, которые будут плясать под прославленные мелодии) тоже может подразумевать глубокую старину. У русскоязычного читателя выражение «to tread a measure» ассоциируется с известной балладой Вальтера Скотта «Lochinvar» («Лохинвар»), где герой-протагонист говорит: «Now tread we a measure!» (интересно отметить, что в англо-русском фразеологическом словаре Кунина эта идиома, помеченная как «устаревшая», со значением «танцевать», иллюстрируется приведённой выше цитатой [3]). Мелодии танцев, судя по всему, восходят к ещё большей старине. Чувство предвкушения приятной атмосферы танцев, которое испытывает лирический герой, выражено опосредованно: как будто «далёкое и близкое», всё вокруг, весь мир предвкушают веселье и романтику вместе с ним.

Как пишет Э. Лонгли в примечаниях к «Свистулька», стихотворение (написанное 5 января 1915 г. [13]) было создано на основе наблюдений около города Ист-Гринстед (East Grinstead) в Суссексе, где Томас гостил у друга, в частности, на заметке в записной книжке от 5 декабря 1913 г.: «3.30 пополудни углежог у синей лачуги медленно дудит весёлую старую деревенскую мелодию и придаёт ей меланхолическое и птичье звучание в глубокой долине-впадине». Таким образом, действие «Свистульки» происходит в лесу в юго-восточной Англии в начале XX в., но, в отличие от заметки в записной книжке, ранней весной (на что указывает упоминание о том, что лесные овраги, стали «чернее», чем зимой, а также появились первоцветы). Лирический герой – сам поэт, совершающий дальнюю пешую прогулку, которые очень любил Томас.

Как и «Ночь танцев», «Свистулька» начинается с описания неба, но уже в третьей строке действие переносится на землю. Обращает на себя внимание первая строка, близкая по смыслу к первой строке стихотворения Харди. Несмотря на сообщение Э. Лонгли о том, что Томас цитирует фразу писателя-натуралиста Ричарда Джеффриса об изогнутом месяце, висевшем на небе «как охотничий рог на стене», сходство нельзя не заметить, хотя у Томаса молодой месяц уподобляется музыкальному инструменту, а у Харди «рог» можно интерпретировать как рог животного. Описание природы, внешнего мира используется для выражения внутреннего состояния лирического героя, как и в стихотворении Харди. Однако герой Томаса, вероятно, испытывает беспокойство. А Э. Лонгли считает, что «rage and moan» (досл. «ярость и стон») ручьёв на дне лесных оврагов могут обозначать полюсы маниакально-депрессивного состояния. В стихотворении тоже используется олицетворение («First primroses ask to be seen», букв. «первые первоцветы просят, чтобы их увидели»), но, в отличие от Харди, Томас относит его не к небесному, а к земному, обыденному: скромным весенним лесным цветам. Углежжение косвенно связывает «Свистулька» с «Ночью танцев», где в камине горят дрова. Углежжение у русскоязычного читателя, вероятно, ассоциируется с глубокой стариной (можно вспомнить, например, «жигалей» (углежогов) Мамина-Сибиряка). В Британии эта практика тоже была распространена, однако к началу XX в. так называемый «кучный способ» (описанный Маминым-Сибиряком) с появлением металлических печей (пиролизных котлов) становится отживающим. «Мшистые былые очаги» (судя по всему, бывшие «кучи» древесины) указывают на древность этого ремесла и на долгий «симбиоз» человеческого труда и природы.

Ещё одна общая тема – традиционная музыка. У Томаса она представлена «старой детской песенкой» («an olden nursery melody»). Как и Харди, Томас любил и знал народную музыку, народные песни служили для него источником вдохновения. В от-

личие от Харди, у которого присутствуют довольно изысканные виолы, усаждавшие и королей, у Томаса старинная мелодия исполняется на незатейливой грошовой свистульке. В этом «Свистулька» имеет нечто общее со стихотворением «The Gypsy» («Цыган»), написанным 22 января 1915 г. и основанном на двух заметках в записной книжке (11 и 13 декабря 1913 г.) о ярмарке в том же Ист-Гринстеде. В стихотворении юный цыган на ярмарке как-то ухитряется одновременно играть на бубне и губной гармонике популярную старинную мелодию «Over the Hills and Far Away» (досл.: «За холмы и вдаль»; в заметке это делают два цыгана). Можно сказать, что в «Свистулька» в некоторой степени отражён тот дух сельской сцены, по словам самого Томаса, соединение «времени и Природы и человека» [13], который поэту так мастерски удалось выразить, например, в «Сенокосе».

Дж. П. Уорд отмечает, что мир поэтов «английской линии» характеризуется «бесцветностью» [14]. Это справедливо по отношению к поэзии Харди и Томаса, в стихах которых цвета упоминаются довольно редко, что, вероятно, можно объяснить обыденностью содержания: все объекты своего «обычного» цвета; цвет используется, чтобы привлечь внимание к чему-

нибудь. «Ночь танцев», несмотря на тему веселья, совершенно бесцветна, так что даже трудно понять, в какое время года происходит действие («зелёные дрова» - свежие, из недавно срубленного дерева). В «Свистулька», помимо противопоставления чёрного и белого цветов, упоминается ещё синий: «in the naked frosty blue» [13] («в стылой синей вышине»), что может показывать, что ночь не вполне наступила (звёзд, кажется, ещё не видно), а может и просто означать небо; лачуга углежогов из заметки сравнивается по цвету с зимородком.

Итак, сравнение этих стихотворений выявляет большее сходство, чем видно на первый взгляд. Однако стихотворение Харди по языку и настроению близко к поэзии XIX века. Томас, когда писал «Свистулька», мог вольно или невольно ориентироваться на него, трактуя те же темы в более современном ключе.

Таким образом, поэзия Харди могла оказать определённое влияние на его младшего современника, тем более что оба поэта описывали одну и ту же природу (в основном Южной Англии) и разделяли некоторые мировоззренческие взгляды, хотя многие стихи Харди в значительной степени принадлежат XIX веку, а поэзия Томаса звучит современно и в наши дни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аринштейн Л. М., Сидорина Н. К., Скороденко В. А. Английская поэзия в русских переводах. - М.: Радуга, 1984. - 846 с.
2. Гарди Т. Избранные произведения. Повести и рассказы; Стихотворения. - М.: Художественная литература, 1989. - 543 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь - М.: Рус. яз., 1984. - 944 с.
4. Concise Oxford English Dictionary. Tenth edition, revised. - N. Y.: Oxford University Press, 2002. - 1708 p.
5. Gervais D. Literary Englands: Versions of "Englishness" in Modern Writing. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996. - 280 p.
6. Hardy T. The Complete Poems. Edited by James Gibson. - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. 1004 p.
7. Howarth P. British Poetry in the Age of Modernism. Cambridge. - Cambridge University Press, 2005. 224 p.
8. Kirkham M. The Imagination of Edward Thomas. - N.Y.: Cambridge University Press, 2010. - 225 p.
9. Leavis F. R. New Bearings in English Poetry. - Harmondsworth: Penguin Books, 1967. - 192 p.

10. Longley E. *Under the Same Moon: Edward Thomas and the English Lyric*. - L.: Enitharmon Press, 2017. - 302 p.
11. Marsh J. *Edward Thomas: A Poet for his Country*. - L.: Paul Elek, 1978. - 226 p.
12. Motion A. *The Poetry of Edward Thomas*. - L.: The Hogarth Press, 1991. 198 p.
13. Thomas E. *The Annotated Collected Poems* (ed. by Edna Longley). - Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. - 332 p.
14. Ward J. P. *The English Line: Poetry of the Unpoetic from Wordsworth to Larkin*. - L.: Macmillan, 1991. - 217 p.

THE LITERARY INFLUENCE OF THOMAS HARDY ON THE POETRY OF EDWARD THOMAS

© 2021 Elena V. Talyzina

Samara University of Public Administration “International Market Institute”, Samara, Russia

The works of the WWI British poet Edward Thomas resist classification. However, being a literary critic, he knew both his contemporary literature and English literature on the whole, and he experienced certain literary influences. The article discusses whether his poetry was influenced by the work of his contemporary poet Thomas Hardy. As a result the conclusion is drawn that Hardy’s poetry exerted certain influence on Thomas, though the latter treated Hardy’s typical themes in a new way.

Key words: Edward Thomas, Thomas Hardy, the early twentieth-century poetry, “the English line” poets, literary influence